

Олег Гринцевич.

Магистрант 2-го года обучения.

Работа по курсу Н.Г. Полтавцевой «[Восприятие советского дискурса в современной культуре](#)».

«Репрезентация истории Русской Духовной Миссии в Китае в советском дискурсе».

Русская Духовная Миссия в Китае (РДМК) являлась организацией, представлявшей в Поднебесной Империи с XVII по XX вв. Русскую Православную Церковь Московского Патриархата (РПЦ МП), а до середины XIX в. и Российскую Империю в целом. Долгое время она вообще оставалась единственной иностранной организацией, официально действовавшей на территории Китая. Внутри ее стен зародились многие направления отечественных востоковедных наук, а ее члены внесли огромный вклад в научное изучение Китая.

Как организация, изначально утвержденная в 1700 г. ради русского поселения албазинцев в Пекине, а впоследствии ставшая фактически единственным звеном, связывающим Российскую Империю и ее восточного соседа, РДМК всегда вызывала интерес в научной, дипломатической, религиозной, да и в общественной среде. Но, хотя, мы можем найти достаточно много трудов, посвященных изучению разных аспектов ее наследия, в ее истории остается еще много неисследованных мест. Более того, мы, до сих пор, не располагаем аналитическими работами, которые оценивали бы все направления деятельности (научное, дипломатическое, миссионерское и др.) и охватывали бы историю РДМК более или менее целиком. А также, - трудами, в которых можно было бы найти критическое осмысление историографических подходов, сложившихся на разных этапах анализа ее наследия, в процессе изучения которого мы можем выделить, по крайней мере, 3 периода. Например, - дореволюционный, когда исследователями Миссии были, в первую очередь, ее же сотрудники; советский – время, в которое научный интерес к ней сохранялся, в основном среди ориенталистов; и постсоветский.

На каждом из этих этапов разного рода культурно-исторические реалии задавали свою манеру видения и описания наследия РДМК. Они как бы формировали, конструировали свой образ Миссии. И, хотя, в настоящее время мы можем наблюдать рост интереса к наследию Миссии. Также, при наличии критического отношения к источникам, становится очевидным и наличие целого набора мифов и штампов, прочно устоявшихся в сознании исследователей Миссии. А также, - своеобразного конфликта интерпретаций, произошедшего в результате того, что подходы, выработанные на разных этапах изучения истории РДМК, начали сталкиваться между собой.

Чтобы оценить репрезентацию истории РДМК непосредственно в советском дискурсе, нам необходимо дать хотя бы краткое описание существующих образов Миссии в целом. Чтобы это сделать нужно задать определенную аналитическую сетку: кроме чисто временного разграничения на «дореволюционный», «советский» и «постсоветский» периоды, необходимо выделить два сформировавшихся «течения» в историографии РДМК и несколько «направлений», в них устоявшихся. Течения следует охарактеризовать как «внешнее» и «внутреннее». К первому будут относиться направления изучения наследия Миссии, возникшие вне территории России, ко второму — на ней (т. е. в пределах Российской Империи, Советского Союза и Российской Федерации). Сами же направления мы можем обозначить, например, как «исследовательское», «романтическое», «негативистское», а также - «эмигрантское» и «богословско-миссионерское». Здесь, сразу следует внести одно уточнение. А именно, - введение

разграничения на «течения» и «направления» приводится отнюдь не для создания предпосылок для анализа различных степеней и критериев таких понятий, как «научность» и «объективность». Оно является указанием на гео-политическую и социальную среды, общности, которые существовали в определенных временных рамках и были способны задавать ту или иную манеру восприятия и описания истории в целом, и РДМК — в частности.

Из всех вышеобозначенных периодов времени наиболее протеворечивые образы Миссии были сформированы в «советский период» изучения ее наследия. В это время главенствовали три направления во внутреннем течении и три — во внешнем. Ко внутреннему следует отнести:

- «исследовательское», ориентированное на исследование и описание вклада членов РДМК в становление и развитие отечественной ориенталистики и русско-китайских отношений. В этом направлении сформировались два, впоследствии, часто пересекавшихся типа, - образы Миссии как научно-исследовательского востоковедного центра и как дипломатической организации;
- противостоявшее первому и преобладавшее вне среды востоковедов — «негативистское», репрезентировавшее Миссию исключительно как империалистическую машину, направленную на ведение шпионажа;
- и романтическое - направление, составлявшее как бы тонкую прослойку между двумя вышеобозначенными и ориентированное на выделение и последующую романтизацию, героизацию отдельных персонажей или событий из истории Миссии.

Во внешнем - можно выделить «исследовательское», «богословско-миссионерское» и «эмигрантское». В первом, к темам, которые рассматривались отечественными ориенталистами, были добавлены разве что попытки описания РДМК на общем фоне деятельности иностранных миссионерских организаций в Китае. Во втором, утвердилось восприятие РДМК либо, как государственно-политической машины, либо — как неудачного миссионерского проекта. Третье — эмигрантское, можно было бы отнести к «исследовательскому». Но тот факт, что оно, фактически, было ориентировано на изучение только двух объектов — связи истории Миссии с казачеством и эмигрантским движением, мешает нам это сделать.

Характеристики подходов, возникших в направлениях «дореволюционного» и «постсоветского» периодов, достаточно просты. Так, некоторые варианты описания Миссии советского периода были заимствованы из дореволюционного. То, что тогда относилось к «исследовательскому» направлению, было направлено не столько на критический анализ наследия РДМК, сколько (так как Миссия еще существовала) - на историописание, создание своеобразного поэтапного «дневника» ее жизни. Оппоненты же этого подхода заложили основы для вышеуказанных негативистских построений, с той лишь разницей, что почвой для формирования обвинений в адрес Миссии в шпионаже и т. п. стали, например, не *религиозные* предпосылки, возникавшие до этого на почве межконфессиональной зависти, а коммунистические.

В наше же время, как ни странно, к оценке подходов изучения наследия Русской Духовной Миссии в Китае и образов ими сформированных, первыми попытались обратиться (правда, опираясь в первую очередь на собственные материалы) только ученые Китайской Народной Республики. Ученые на Западе - от общих описательно-сравнительных подходов перешли к изучению отдельных вопросов, касающихся истории РДМК. Но, все что мы видим — это заинтересованность данной тематикой и чрезвычайный разброс частных мнений. Появляющиеся критические рецензии представляют больше полемику между отдельными исследователями, чем оценку всего

пути, проделанного историографией Миссии. В нашей же стране происходит столкновение и наложение всех созданных в истории изучения Миссии парадигм. Идет конфликт интерпретаций, когда исследователи либо заранее ориентированы на работу в том или ином направлении, либо начинают использовать историко-описательную модель дореволюционного периода, нанизывая на нее те или иные представления. Как результат, сейчас, несмотря на возрождающийся интерес к истории РДМК и наличие замечательных востоковедных работ, продолжают жить и негативистские образы и огромное количество штампов и клише.

Предложенная модель, объединяющая временную переодизацию и «средовое» разграничение, является, безусловно, *идеальным* построением. Но она позволяет создать более четкое, чем в случае простого хронологического подхода, описание истории РДМК и историко-культурного контекста, в котором существовала Миссия и складывалась ее историография (тем более, что подобное описание делается впервые). И, в том числе, она дает нам возможность проследить как и почему складывался тот или иной образ Миссии, подход к изучению ее наследия и истории. Она позволяет нам, выдвинув слово «формирование» на первый план, начать говорить о «формировании истории» РДМК в двух смыслах. Во-первых, мы можем продолжать рассуждать чисто исторически. Например, использовать выражение «формирование истории» при описания того или иного события или цепочки событий из истории Миссии. А, во-вторых, - культурологически, интерпретировав это понятие как некую формулу. В результате чего, возникнет предпосылка провести параллель между выражением «формирование истории» или «описание истории» и таким определением как «конструирование истории». Причем, последнее, далеко не всегда позволяет охарактеризовать тот или иной подход, сложившийся в процессе изучения наследия РДМК, как однозначно «необъективный» или «ненаучный». Этот момент прекрасно проявляет себя на примере описания и репрезентации истории РДМК в «направлениях», устоявшихся во внутреннем течении советского периода ее историографии.

Так, в уже упомянутом «исследовательском» направлении были приняты образы Миссии как научно-исследовательского центра и дипломатического посольства. Востоковедами и историками были детально и более чем объективно проработаны многие аспекты русско-китайских дипломатических отношений, в историю которых оказалась вписана РДМК, а также — вклад, внесенный ее членами в отечественную и мировую ориенталистику. Но, фактически, никаких попыток представить историю вне вышеобозначенных тем предпринято не было. Традиционное историческое объяснение, в данном случае, может быть ограничено одним определением. Например, - таким: в тоталитарном коммунистическом атеистическом советском государстве каким являлся СССР положительное описание какой-либо тематики, связанной с чуждой ей идеологией, могло идти только по пути выделения практически и прагматически значимых (для названного государства) моментов из истории объектов, связанных с этой идеологией. Все же, что выходило за установленные и общепринятые ценностные рамки этого государства естественно должно было восприниматься с негативистских позиций. Но здесь, как раз и следует отметить, что эта точка зрения может быть значительно расширена за счет сочетания исторических методов анализа с культурологическими.

Интересный материал для работы в этом направлении может быть предоставлен нам трудом И. П. Смирнова, - «Психодиахнологика. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней»¹. В котором автор на материале произведений советской литературы времени Социалистического Реализма (СР) обосновывает мазохистские черты советского тоталитаризма в целом. Хотя Смирнов, в первую очередь, занимается характеристикой сталинского и околосталинского периода советской действительности,

¹ Смирнов И. П. Психодиахнологика. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М., НЛО, 1994. - 352 с.

причем на примерах из области культуры, его наработки могут быть вполне применимы и при общем описании многих черт (касающихся как политики, идеологии и официального искусства, так и науки, религии...) советского времени.

«Содержание религиозного дискурса выхолащивалось сталинистской литературой /и не только сталинистской — О. Г./ в силу того, что она отказывала трансцендентному в праве на существование: потустороннее есть не более чем продолжение посюстороннего»², - замечает Смирнов. А «Раз мирская ценность является субститутом религиозной, то отчуждение индивида от нее немислимо в той же мере, в какой недопустимо непочтительное отношение верующего к священным предметам»³. И, если, с этой точки зрения посмотреть на образ РДМК, сложившийся в «исследовательском» направлении внутреннего течения описания Миссии в советское время, то тот факт, что история Миссии была просто сохранена, сам по себе является достаточно большим явлением. К примеру, - всей истории иностранных зарубежных миссионерских организаций в Китае (за весь период существования советской ориенталистики) была, фактически, посвящена только одна серьезная научная работа. Это — труд А. А. Волоховой, - «Иностранные миссионеры в Китае»⁴. В котором, с привлечением довольно серьезной научно-источниковедческой базы, дается подробное описание работы иностранных миссионеров в Китае. Но, к сожалению, все усилия автора направлены только на исследование черной стороны деятельности миссионеров.

В случае же с РДМК мы наблюдаем не только тот факт, что ее история не оказалась вычеркнутой из советской «книги жизни». Но и то, что в «исследовательском» направлении изучения наследия Миссии сохранялся постоянный интерес к данной тематике и давались хоть и сконструированные в одном ключе, но, в том числе, и положительные характеристики. Обратившись к работе Смирнова, можно задаться вопросом: а могло ли быть в то время по другому? Безусловно, мы получим ответ, - «нет». «Борясь с отчуждением, СР сообразно с этим налагает запрет на художественное остранение действительности. Изображение обязано соответствовать изображаемому. Явление не может быть описано с точки зрения трансцендентной, чуждой этому явлению...»⁵, также и научная картинка не должна выбиваться из заданных ей рамок. Поэтому, если что-то «иное» по отношению к общепринятым установкам попадает в поле зрения исследователя, то последний должен: либо найти и описать отрицательные характеристики этого «иного» (пример — работа Волоховой), либо отыскать такие объекты для изучения, образы которых могли бы быть вписаны в общепринятые нормы (пример, - «исследовательское» направление изучения истории РДМК). Все же, что не укладывалось в рамки двух вышеобозначенных описательных методов или, тем более, входило в противоречие с общезаданной нормой, автоматически относилось к категориям «чуждого», «чужого», «вражеского». Информация в таком случае просто замалчивалась, или представлялась в искаженном, исключительно негативистском ключе.

Касательно истории иностранных миссионерских организаций, как пример, можно привести книгу Л. Н. Великовича, - «Черная гвардия Ватикана»⁶, посвященную описанию ордена иезуитов. В которой, автор начинает вести повествование со слов 14-го генерала ордена иезуитов Микеланджело Тамбурины (1706 — 1730 гг.) будто бы хваставшегося перед маршалом Франции герцогом де Бриссаком своей властью - «...Из этой комнаты я управляю не только Парижем, но и Китаем, не только Китаем, но и целым миром и никто

² Смирнов И. П. Указ. соч. С. 280.

³ Смирнов И. П. Указ. соч. С. 282.

⁴ Волохова А. А. Иностранные миссионеры в Китае (1901 — 1920 гг.). М., Наука (Главная редакция восточной литературы), 1969. - 144 с.

⁵ Смирнов И. П. Указ. соч. С. 282.

⁶ Великович Л. Н. Черная гвардия Ватикана. М., Мысль (Редакция философской литературы), 1980. - 232 с.

не знает, как это делается»⁷. После чего дается детальная обрисовка образа иезуитов как «янычар римских пап»⁸, деятельность которых «окутана тайной»⁹, антипротестантов, врагов советского государства. Само же общество по Великовичу было создано для «защиты интересов крупного феодального землевладения и подавления движения народных масс»¹⁰. Критика Конституции СССР Обществом как негарантирующей свободу совести, вероисповедания и других прав человека объявляется, естественно, несостоятельной¹¹, а по своему историческому предназначению существование Общества характеризуется как «бесперспективное»¹². К

Что же касается истории РДМК то, как к примеру, мы можем обратиться к «негативистское» направлению, сосуществовавшему во «внутреннем течении» описания истории Миссии в советский период времени с «исследовательским». Для приверженцев «неготивистского» направления, РДМК являлась как бы «чужим» из «своих», частью отвергнутого и поверженного русского империалистического государства. Члены Миссии в этом ключе могли изображаться как шпики, стоявшие на страже империалистических интересов, реакционеры, консерваторы и т. п. Причем, следует заметить, что обоснование для появления подобных теорий в Стране Советов были заложены приблизительно в 20-х, 30-х гг. XX в. Первопроходцами в этом деле можно считать М. Барановского и автора, писавшего под инициальной аббревиатурой Г. Л.

Но, как было отмечено в начале нашего разговора о построении идеальной историографической модели, во «внутреннем течении», конструирувавшем образы Миссии в советский период времени изучения ее наследия, было еще одно направление - «романтическое». Собственно говоря, это было литературное направление описания истории РДМК. Оно являлось еще одной лазейкой, дающей возможность говорить о связанном с «иным», без поиска его отрицательных черт или моментов его истории, которые можно было бы описать, сославшись на их практическую значимость. Его отличительными чертами являлась «романтизация» отдельных событий и «героизация» персонажей из истории Миссии.

Среди персонажей-членов Миссии, наиболее часто привлекавшей к себе внимание, являлась неординарная и яркая личность о. Иакинфа — Н. Я. Бичурина, главы 9 РДМК и основоположника целого комплекса российских востоковедных наук. Ему посвящались романы и пьесы, эссе и биографии. Работы биографической направленности могли писаться востоковедами с активным привлечением архивных материалов (как было в случае с написанием подобных трудов востоковедами В. Кривцовым¹³ и П. Денисовым), а могли и без. Как, видимо, в значительной степени, было в случае с написанием В. Пикулем «Железных четок»¹⁴.

В этом произведении сразу задаются романтизированные рамки восприятия. Пикуль прямо пишет, - «Начало истории – прямо-таки из романа времен благородных рыцарей и прекрасных дам. Только дело происходило не в Валенсии или Провансе, а в старой

⁷ Великович Л. Н. Указ. соч. С. 3.

⁸ Великович Л. Н. Указ. соч. С. 4.

⁹ Великович Л. Н. Указ. соч. С. 6.

¹⁰ Великович Л. Н. Указ. соч. С. 4.

¹¹ Великович Л. Н. Указ. соч. С. 154 - 155.

¹² Великович Л. Н. Указ. соч. С. 220.

¹³ Интересное описание работы В. Кривцова можно найти в статье, опубликованной в журнале «Нева» Н. Кривцовой. См. В. Кривцов. Как я работал над романом «Отец Иакинф»; Бичурин и Пушкин. Предисловие — Лурье С. Нева, № 8, 2004. Размещено в Интернет / <http://magazines.russ.ru/neva/2004/8/> /. Проект «Журнальный Зал» / <http://magazines.russ.ru/> /. Режим доступа - <http://magazines.russ.ru/neva/2004/8/kri16.html> . Последнее посещение узла — 08. 04. 2009.

¹⁴ Пикуль В. Железные четки. Серия книг - «Через тернии — к звездам», № 14. Размещено в Интернет. Проект «ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА ModernLib.Ru» / <http://modernlib.ru/> /. Режим доступа - http://www.modernlib.ru/books/pikul_valentin_savvich/zheleznie_chetki/read/ . Последнее посещение узла — 08. 04. 2009.

Казани...»¹⁵. Чуть позже будет дана следующая характеристика о. Иакинфа и времени, в котором он жил, - «Не будем наивно думать, что в монахи шли только глубоко верующие люди. Напротив, за стенами русских монастырей зачастую укрывались ищущие сытости вольнодумцы, потерпевшие крушение надежд и жизненные невзгоды, под благовест церковных колоколов люди погребали несчастную любовь. Убежденный атеист, Иакинф Бичурин затаил свою натуру под видом смиренного, отрешенного от земных страстей, ловко скрывая свое безбожие. ...Это давалось нелегко. Недаром же впоследствии декабрист Николай Бестужев перековал свои кандалы на гирлянду монашеских четок – в подарок отцу Иакинфу: – “Чую, будут они грузны для тебя, как и для нас тяжки были кандалы такие... Потаскай, сам сведаешь!”»¹⁶. Причем, мотив подаренных четок пройдет в дальнейшем через все произведение, как дополнительное указание на вольнодумство Бичурина, его антиимпериалистические взгляды, дружбу с декабристами... Еще одним раскрученным направлением в работе Пикуля является мотив постоянной оппозиции монаха окружающему его сообществу - западным ученым, Церкви, российским властям. Даже в описании дружбы монаха с А. С. Пушкиным будет дана приписка, что «Монах бывал в доме поэта, познакомился с его друзьями, и вот что странно: Иакинфа чтили люди, любившие и поэта, а травили его те же самые врачи, которые травили и Пушкина»¹⁷. Из вышеперечисленных примеров становится видно, что, в данном произведении, не смотря на виртуозность описания, последнее направлено не столько на попытку создания, хоть и художественного, но все же исторического изложения, сколько на обыгрывание раскрученных в советское время культурных штампов («декабризм», антизападничество, атеизм и т. п.). Говоря словами Смирнова, - оно было ориентировано на «замещение культуры нарративом, подобное замещению социума вождем»¹⁸.

Чтобы подвести определенную черту в нашем рассказе о репрезентации истории РДМК во внутреннем течении советского периода, нам необходимо отметить еще тот факт, что выход за пределы обозначенных «направлений», мог повлечь за собой арест и смерть. Так, например, П. Е. Скачков - автор классического востоковедного библиографического труда «Библиография Китая»¹⁹ (охватывающего русскоязычные труды и статьи по Китаю с 1730-х гг. и пережившего два издания /1932 и 1960/), в своей не менее известной работе «Очерки истории русского китаеведения»²⁰ делает следующее построение. Он описывает преемственность отношений, возникших между советским востоковедением и членами РДМК, переход «От миссии к университетам» (как даже называется одна из глав его книги²¹) и останавливается на описании вклада в ориенталистику В. П. Васильева (1818 — 1900 гг.), А. М. Позднеева (1851 — 1920 гг.), В. М. Алексеева (1881 — 1951 гг.), С. Ф. Ольденбурга (1888 — 1919 гг.), Ф. И. Щербатского (1869 -1942 гг.) и др. ученых, заставших приход XX века.

Ныне покойный Е. А. Торчинов (уже в наше время создавший курс, посвященный истории изучения Китая, в котором он разбирал в том числе и влияние исторического контекста, на формирование синологических методов описания²²) в книге «Философия

¹⁵ Пикуль В. Указ. соч. и портал.

¹⁶ Пикуль В. Указ. соч. и портал.

¹⁷ Пикуль В. Указ. соч. и портал.

¹⁸ Смирнов И. П. Указ. соч. С. 285 - 286.

¹⁹ Скачков П. Е. Библиография Китая; отв. ред. - А.Г.Яковлев. М., ИВЛ, 1960.

²⁰ Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения; отв. ред. – В. С. Мясников. М., Наука, 1977. - 505 с.

²¹ Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. Глава «От миссии к университетам». С. 140.

²² См., например план программы его курса .

Торчинов Е. А. История изучения культуры Китая в России, Европе и Америке. Программа курса. Размещено в Интернет. Режим доступа - <http://orient-kafedra.narod.ru/torch6.html> . Последнее посещение узла - 08. 04. 2009.

буддизма Махаяны»²³ описал передачу преемственности от вышеназванных ученых - востоковедам постсоветского времени. Но, кроме этого, он указал и на наличие некоторых тяжелых *событий*, которые отечественной школе ориенталистики пришлось в советский период времени пережить. Например, - что большинство коллег и учеников Ф. И. Щербатского было репрессировано и казнено «по нелепым обвинениям»²⁴, что сам Щербатский подвергался «травле как идеалист-кантианец», проповедовавший «реакционные взгляды» и занимавшийся «реакционной “индийской поповщиной”»²⁵, а его труды издавались в России по-английски. И, что, к примеру, после его смерти, «буддология в России (СССР) исчезает как минимум на 15 лет»²⁶.

Ее новый всплеск пришелся на 1960-е — время возвращения в нашу страну Ю. Н. Рериха, а затем, - на рубеж 60-70-х, значительную роль, в котором сыграли «издания Тартусского государственного университета “Труды по знаковым системам” и “Труды по востоковедению”»²⁷, в которых регулярно публиковались работы А. М. Пятигорского, Б. Д. Дандарона, Л. Е. Мяль и др. Можно сказать, что Тартусский Университет явился временным прикрытием от новых гонений на религиозные системы и науки их изучающие для вышеназванных исследователей, в то время как под эти гонения попала, скажем, в 1958-1964 гг. РПЦ. Но, уже в 1972 г. состоялось знаменитое «дело Дандарона»²⁸. Которому как буддологу и практикующему буддисту инкриминировалось создание секты и был вынесен обвинительный приговор. После чего, он, находясь в заключении скончался, А. М. Пятигорский эмигрировал в Англию, А. Я. Сыркин - в Израиль и т. д. Это только несколько примеров, свидетельствующих о том, что любой шаг в сторону от установленных *норм*, не важно, шла ли речь о религии, идеологии, описании РДМК, буддологии, индологии..., мог обернуться для совершившего его человека летальным исходом.

Смирнов пишет, что «литература тоталитаризма /к этому можно добавить, что и сам советский тоталитаризм — О. Г./ была своего рода религией без религиозного (трансцендентного естественному миру) содержания»²⁹. Хотя, в то время одной из «самых ходовых метафор» и являлась концепция «свет знания»³⁰. Но - это был «свет знания», который должен был быть принесен миру советским человеком³¹. В этом отношении интересен пример Смирнова о том, как «один из персонажей “Большой дороги” собирается написать книгу под заголовком “С Востока свет” — о русских людях, распространяющих добытую ими истину по всему миру»³². А, если, в выражении «Ex Oriente Lux», слово «Oriente» заменить словом «советский», то мы, как раз, и получим прекрасное объяснение для описанных нами явлений. Ведь, таким образом, даже причины гонений на боевые искусства (БИ) в СССР в 1980-е г. могут быть объяснены не только испугом властей от возможности свободного и неконтролируемого допуска простых людей к боевым прикладным техникам. Но и тем, что БИ давали выход к запрещенному «трансцендентному».

²³ Торчинов Е. А. Философия буддизма Махаяны. С-Пб., Петербургское Востоковедение, 2002. - 400

с.

²⁴ Торчинов Е. А. Философия буддизма Махаяны. С. 300.

²⁵ Торчинов Е. А. Философия буддизма Махаяны. С. 300.

²⁶ Торчинов Е. А. Философия буддизма Махаяны. С. 306.

²⁷ Торчинов Е. А. Философия буддизма Махаяны. С. 306.

²⁸ Торчинов Е. А. Философия буддизма Махаяны. С. 307.

²⁹ Смирнов И. П. Указ. соч. С. 284.

³⁰ Смирнов И. П. Указ. соч. С. 283.

³¹ Смирнов И. П. Указ. соч. С. 283.

³² Смирнов И. П. Указ. соч. С. 283

